

По жалобам о нарушении статьи 3 Конвенции

Вопрос о запрещении бесчеловечного обращения

По делу обжалуется запугивание несовершеннолетней противниками абортс вследствие действий властей, предпринятых после того, как она потребовала сделать ей аборт после изнасилования. По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

Р. и S. против Польши
[P. and S. v. Poland] (№ 57375/08)

Постановление от 30 октября 2012 г. [вынесено IV Секцией]

(См. ниже изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 8 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 5 Конвенции

По жалобам о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции

Вопрос о законности задержания или заключения под стражу

По делу обжалуется заключение беременной несовершеннолетней в молодежный приют с целью воспрепятствования ее требованию производства аборта после изнасилования. По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

Р. и S. против Польши
[P. and S. v. Poland] (№ 57375/08)

Постановление от 30 октября 2012 г. [вынесено IV Секцией]

(См. ниже изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 8 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 8 Конвенции

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

Вопрос о соблюдении права на уважение личной жизни

По делу обжалуется уклонение медицинских органов от предоставления своевременного и беспрепятственного доступа к легальному аборту несовершеннолетней, забеременевшей после изнасилования. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

Р. и S. против Польши
[P. and S. v. Poland] (№ 57375/08)

Постановление от 30 октября 2012 г. [вынесено IV Секцией]

(См. ниже.)

По жалобам о нарушении статьи 8 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на уважение личной жизни

По делу обжалуется раскрытие информации публичной больницей о беременной несовершеннолетней, которая хотела сделать аборт после изнасилования. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

Р. и S. против Польши
[P. and S. v. Poland] (№ 57375/08)

Постановление от 30 октября 2012 г. [вынесено IV Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявительницами являются дочь и мать. В 2008 году, в 14-летнем возрасте, первая заявительница, Р., забеременела после изнасилования. Чтобы сделать аборт в соответствии с Законом о семейном планировании 1993 года, она получила у прокурора справку о том, что ее беременность вызвана незаконным половым сношением. Тем не менее при обращении в публичные больницы в Люблине заявительницы получили противоречивую информацию о процедуре, которой они должны следовать. Без выяснения отношения первой заявительницы к этому один из врачей организовал встречу Р. с католическим священником, который пытался убедить ее сохранить беременность и получил от нее номер мобильного телефона. Второй заявительнице было предложено подписать формуляр согласия, предупреждавший ее о том, что аборт может повлечь смерть дочери. Наконец, после спора со второй заявительницей заведующая гинекологическим отделением Люблинской больницы отказалась разрешить делать аборт, сославшись на свои личные взгляды, а больница опубликовала пресс-релиз, подтверждающий это. В местных и общенациональных газетах были опубликованы статьи, и дело стало предметом обсуждения в Интернете. Впоследствии Р. была госпитализирована в больницу в Варшаве, где ей сообщили, что больница подвергается давлению с целью принуждения к отказу от аборта и получила многочисленные электронные сообщения, критикующие заявительниц за их решение. Р. также получала незапрошенные текстовые сообщения от священника и иных лиц, пытавшихся убедить ее изменить свою позицию. Чувствуя манипуляцию и беспомощность, заявительницы покинули больницу через два дня. Они подвергались запугиванию со стороны активистов, выступавших против абортов, и обратились в полицейский участок, где их допрашивали в течение нескольких часов. В тот же день полиция получила уведомление о том, что Люблинский суд по семейным делам распорядился о водворении Р. в молодежный приют в качестве предварительной меры в разбирательстве, возбужденном с целью лишения ее матери родительских прав на том основании, что она оказывала на Р. давление с целью производства аборта. Отдавая это распоряжение, суд учел текстовые сообщения, которые Р. направила подруге с указанием на то, что она не знает, как поступить. Позднее в тот же день полиция доставила Р. в Люблин, где она была помещена в молодежный приют. В связи с болями она была госпитализирована на следующий день и оставалась в больнице в течение недели. Журналисты посещали больницу и пытались с ней поговорить. После жалобы в Министерство здравоохранения заявительницы были в конце концов тайно доставлены в Гданьск, примерно за 500 км от места их жительства, где был сделан аборт.

Разбирательство в суде по семейным делам было прекращено через восемь месяцев, когда Р. показала, что мать не принуждала ее к аборту. Возбужденное против Р. уголовное дело в связи с подозрением в половом сношении с несовершеннолетним было прекращено, как и уголовное дело против предполагаемого насильника.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции. (а) Доступ к законному аборту. Что касается права врачей отказывать в оказании определенных услуг по мотивам совести, польское законодательство признает необходимость обеспечения того, чтобы врачи не были обязаны оказывать услуги, с которыми они не согласны, и введения механизма выражения отказа. Данный механизм также включал элементы, позволяющие согласовать право на отказ по мотивам совести с интересами пациента, поскольку предусматривал письменную форму отказа, подлежащего приобщению к медицинским документам пациента, и, кроме того, возлагал на врача обязанность направить пациента к другому врачу, уполномоченному оказывать эту услугу. Однако не установлено, что в настоящем деле эти процессуальные требования были соблюдены. События, сопровождавшие обеспечение доступа Р. к легальному аборту, были омрачены проволочками и путаницей. Заявительницам сообщалась вводящая в заблуждение и противоречивая информация, и они не получали необходимого и объективного медицинского консультирования с учетом их взглядов и желаний. Отсутствовала единая процедура, с помощью которой их позиция могла быть учтена и надлежащим

образом принята во внимание с минимальной процессуальной справедливостью.

Различие ситуации беременной несовершеннолетней и ее родителей не освобождало от необходимости процедуры разрешения вопроса доступа к легальному аборту, за счет которой обе стороны могли изложить свою позицию, и их взгляды могли быть полностью и объективно оценены, и механизма консультирования и примирения взглядов в интересах несовершеннолетней. Не установлено, что правовая система Польши допускала надлежащий учет обеспокоенности второй заявительницы, который обеспечивал бы принятие во внимание ее взгляды и настроения и сопоставление их справедливым и уважительным образом с интересами ее беременной дочери при разрешении вопроса такого доступа.

В этой связи гражданское разбирательство не составило эффективную и доступную процедуру, поскольку это средство правовой защиты имело исключительно ретроактивный и компенсаторный характер. Не приведены примеры прецедентной практики по делам, в которых гражданские суды признали ущерб, причиненный беременной тоской, беспокойством и страданием в связи с попытками получения доступа к аборту, и предоставили соответствующее возмещение.

Эффективный доступ к достоверной информации об условиях совершения законного аборта и процедуре, которой необходимо следовать, непосредственно связан с осуществлением личной автономии. Понятие личной жизни в значении статьи 8 Конвенции применимо к решениям стать родителем или не быть им. Природа вопросов, сопровождающих решение женщины прервать беременность или не прерывать ее, обусловила решающее значение временного фактора. Таким образом, существующие процедуры должны были обеспечить своевременное принятие решений. Неопределенность, возникшая в настоящем деле, породила поразительное несовпадение теоретического права на законный аборт и с реальностью его практического осуществления. Следовательно, власти допустили несоблюдение своего позитивного обязательства по обеспечению эффективного уважения права заявительниц на уважение их личной жизни.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (вынесено шестью голосами «за» и одним – «против»).

(b) *Раскрытие личных и медицинских данных.* Предоставленная общественности информация была достаточно подробной, чтобы третьи лица могли установить местонахождение заявительниц и связаться с ними с помощью мобильного телефона или лично. Текстовые сообщения Р., направленные подруге, могли разумно рассматриваться как просьба о помощи, обращенная к этой подруге и, возможно, к ближайшему окружению со стороны уязвимого и смятенного подростка в сложной жизненной ситуации. Они ни в коем случае не могли расцениваться как намерение раскрыть общественности и прессе информацию о своей беременности, собственных или семейных взглядах и чувствах. Тот факт, что легальный аборт в Польше является предметом оживленных дебатов, не дает государству настолько широких пределов усмотрения, чтобы освобождать медицинский персонал от его неоспариваемых профессиональных обязанностей, связанных с врачебной тайной. Не утверждалось, не говоря уже о доказанности этого, что в настоящем деле имелись исключительные обстоятельства такого характера, который оправдывал бы публичный интерес к состоянию здоровья Р. Соответственно, раскрытие сведений о ее нежелательной беременности и отказ больницы в совершении аборта не преследовали законную цель. В то же время не было указано ни одно положение национального законодательства, на основании которого информация о состоянии здоровья отдельных пациентов, даже без указания имен, могла быть раскрыта широкой общественности путем пресс-релиза. Р. имела право на уважение своей личной жизни в части сексуальной жизни, какие бы озабоченность или интерес ни вызывало ее затруднительное положение в местной общине. Национальное законодательство прямо признает право пациентов на защиту их медицинских данных и возлагает на медиков обязанность воздерживаться от разглашения информации о состоянии здоровья их пациентов.

Вторая заявительница также имела право на защиту информации о ее семейной жизни. Тем не менее Люблинская больница довела данные о настоящем деле до сведения прессы. Следовательно, раскрытие информации о деле заявительницы не являлось законным и не преследовало законного интереса.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения подпункта «d» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Существенная цель решения о водворении Р. в молодежный приют заключалась в отделении ее от родителей, в частности, от матери, или воспрепятствовать аборту. Трудно представить, что заключение под стражу могло быть применено в целях воспитательного надзора в значении подпункта «d» пункта 1 статьи 5 Конвенции, как утверждало государство-ответчик. Было бы разумно

попытаться достоверно установить, имела ли Р. возможность принять свободное и информированное решение относительно аборта. Однако если власти были озабочены тем, что аборт мог быть сделан против ее воли, могли быть приняты менее решительные меры, чем запертие 14-летней девочки, находящейся в ситуации значительной уязвимости. Таким образом, ее содержание под стражей с 4 по 14 июня 2008 г. не было совместимым с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. Важное значение имело то, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, Р. было всего 14 лет. Однако, несмотря на ее значительную уязвимость, наличие справки прокурора, подтверждающей, что ее беременность вызвана незаконным сношением, и медицинских данных о том, что она подверглась физическому насилию, при поступлении в Люблинскую больницу она и ее мать подверглись существенному давлению. Одна из врачей предложила матери подписать декларацию с признанием того, что аборт может повлечь смерть ее дочери. Не были выдвинуты убедительные медицинские причины, оправдывающие сильные выражения декларации. Р. являлась свидетелем спора между врачом и второй заявительницей, которая обвинялась в том, что является плохой матерью. Информация о деле была обнародована прессой, частично на основании пресс-релиза, распространенного больницей. Р. получила многочисленные незапрошенные и назойливые текстовые сообщения от неизвестных ей лиц. В варшавской больнице власти не защитили ее от контактов с лицами, пытавшимися оказать на нее давление. Кроме того, когда она просила полицию защитить ее от преследований со стороны активных противников абортов, она сама была задержана и водворена в молодежный приют. Европейский Суд особенно поражен тем фактом, что власти решили возбудить уголовное дело по обвинению в незаконном сношении против Р., которая должна была считаться потерпевшей от сексуального злоупотребления. Подобный подход не соответствовал требованиям, присущим позитивным обязательствам государств по установлению и эффективному применению уголовно-правовой системы, наказывающей все формы сексуальных злоупотреблений. Хотя расследование дела заявительницы было в конце концов прекращено, сам факт его возбуждения указывает на полное отсутствие понимания сложностей ее положения. Ее уязвимость, юный возраст, ее взгляды и чувства совершенно не учитывались. Подход властей был омрачен проволочками, путаницей и отсутствием надлежащего и объективного консультирования и информации. Точно так же должен быть принят во внимание сам факт того, что Р. была отделена от своей матери и лишена свободы в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. В итоге обращение властей Р. должно быть признано достойным сожаления, и страдания, которые она претерпела, достигли минимального уровня суровости в соответствии со статьей 3 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил первой заявительнице 30 000 евро, а второй заявительнице 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда.